

Vol.

АЛЕКСЕЙ
СМЕРНОВ
ФОН РАУХ
ДОСКА
ДНОУИСПЯ

АНТИКВАРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ-ЖИТНЕ
В ДЕСЯТИ КЛЕЙМАХ

INDIVIDUUM, 2025

УДК 82-511.6

ББК 84(2)6

С50

С50 Смирнов фон Раух, Алексей

Доска Дионисия. Антикварный роман-житие в десяти клеймах /
Алексей Смирнов фон Раух. М.: Индивидуум, 2025. — 272 с. — (Vol.).

ISBN 978-5-907696-50-5

СССР, начало 1970-х. Старый, некогда губернский город в нескольких сотнях километров от Москвы. Кандидат искусствоведения Анна, недавно защитившая диссертацию по работам иконописца Дионисия, узнает, что из монастыря неподалеку пропала икона шестнадцатого века. Анна устремляется по следам исчезнувшего образа Спаса, не отдавая себе отчета, что это следы на крови.

Алексей Смирнов фон Раух (1957–2009) в 1960-е произвел неизгладимое впечатление на завсегдатаев Южинского кружка своей прозой, а живописью — на ценителей модернизма в Чехии и Германии. Разорвав связи с внешним миром, Смирнов провел тридцать лет в стенах церквей и скитов, реставрируя фрески и наблюдая за параллельной жизнью советского общества, где в удушающей схватке сплелись уцелевшие потомки дворян, беглые монахи, предприимчивые интуристы, деклассированные элементы и вездесущие сотрудники КГБ. Захватывающий, правдивый и оттого еще более жестокий роман «Доска Дионисия» был написан в 1976-м в стол без перспективы публикации. Потерянный шедевр русской литературы, он убедительно показывает, что центральные вопросы жизни на Руси не изменились ни за пятьдесят лет, ни за пятьсот.

УДК 82-511.6

ББК 84(2)6

 individuum Vol.

© Алексей Смирнов (наследники), 1976, 2025

© Олег Пашенко, дизайн, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024, 2025

ISBN 978-5-907696-50-5

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя	8
Клеймо первое. Пропавшие бумаги	14
Клеймо второе. Ермолай	34
Клеймо третье. Собор	54
Клеймо четвертое. В замоскворецком переулке	82
Клеймо пятое. Племянник	108
Клеймо шестое. В набег	130
Клеймо седьмое. Отчие камни	154
Клеймо восьмое. Иконных дел мастера	184
Клеймо девятое. И пыль веков	214
Клеймо десятое. У врат	244

*Посвящается жене автора
Наталье Николаевне Смирновой*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Лучшей охраной художественных произведений во все времена были могила и варварство.

*Максимилиан Волошин,
«Чему нас учит икона»*

Потомственный художник, писатель, адепт самопровозглашенного магического символизма и характерный представитель Второго русского авангарда, Алексей Смирнов фон Раух (1937–2009) проявил высокое мастерство в непростом деле ускользания от мира. Обладатель самой распространенной в России фамилии, он добавил к ней аристократическую немецкую приставку, обозначающую происхождение от... дыма. Можно только догадываться, имел ли он в виду старобрядческие самосожжения, чадающие пожары разоренных дворянских усадеб или что-то другое, однако спустя полвека его инициалы стали чем-то вроде пароля для посвященных. В узких кругах Смирнова почитают как «русского Селина»: острого на язык мизантропа, ценителя и знатока чужих падений и непримиримого врага любой номенклатуры. Его стихийный анархизм и последовательное отрицание каких-либо авторитетов привели к тому, что вещественных доказательств его деятельности — изданных книг, картин в частных или государственных собраниях — почти не осталось. Литературная часть его наследия до последнего времени считалась просуммированной посмертным сборником эссе «Полное и окончательное безобразие», в одночасье ставшим библиографической редкостью. Однако Смирнов сделал больше: на его счету графика, картины, пьесы, поэзия, проза и, может быть, что-то еще, о чем мы пока не знаем.

Написанный в середине 1970-х под псевдонимом Алексей Анненков роман «Доска Дионисия» прождал публикации почти полвека. Разумеется, в СССР книгу, в начале

которой монах голыми руками убивает комсомолку, напечатать не могли. Если вы рассчитывали встретить “trigger warning”, ограждающий впечатлительные умы от кровавых сцен, то вот и он — вы предупреждены.

Стоит наперед отметить, что интуиции Смирнова лишены привязки к простым противоположностям вроде советского — антисоветского. По его собственным словам, «настоящее время России внеисторично, оно возвращает нас к прозрению вневременного первоизданного хаоса». Будучи модернистским художником, Смирнов подступался к этому хаосу с разных сторон. Представление о нем дают его картины, напоминающие иконы, из которых ушел образ Божий. Это исчезновение — одна из ключевых тем его творчества: опустевшее посреди обратной перспективы место заняли отвратительно мутировавшие чудовища, лишь отдаленно похожие на людей. Темная звериная сила, сидящая в каждом и каждой, на протяжении XX века привлекала внимание многих отечественных авторов, насмотревшихся на последствия богооставленности. С некоторыми — Владимиром Ковенацким, Юрием Мамлеевым, Евгением Головиным — Смирнов дружил в 1960-х. Южинский кружок, впрочем, его тоже не поймал: Смирнов стремительно и необъяснимо отстранился от бывших товарищей, а потом и бросил занятия изобразительным искусством, переключившись на реставрацию и роспись храмов, сулившие если не полную автономность от советской власти, то хотя бы материальную независимость. По собственному выражению, Смирнов предпочел жить духовно на краю пропасти, ни к чему и ни к кому не примыкая.

Оттуда, по всей видимости, и растут корни «Доски Дионисия». По первому прочтению может показаться, что это жанровая вещь: перехватывающий дыхание детектив, написанный богатым на оттенки слова языком и открыва-

ющий тайны предельно законспирированного мира скупки-продажи-подделки церковного искусства, что и по сей день остается одним из самых криминальных и потаенных углов так называемого арт-рынка. Смирнов упоминал, что его персонажи не имеют прямых прототипов, в отличие от описываемых ситуаций. По свидетельству семьи автора, он и сам одно время в одиночку противостоял целой преступной группировке, специализирующейся на вымогательстве средств, полученных за роспись храмов. Возможно, что другим источником вдохновения стало громкое уголовное дело, широко обсуждаемое в газетах в 1974-м, за год до начала работы над книгой: во Львове был арестован спекулянт Мороз, в промышленных количествах продававший иконы зарубежным коллекционерам. Для этого он организовал банду, скупающую «доски» (так на сленге назывались иконы) и церковную утварь за бесценок в деревнях и обчищающую заброшенные монастыри. Морозу дали 15 лет заключения. В те же годы в зарубежной прессе стали осмысливать связь иконописных техник и первого русского авангарда, подмечая сходства между иконами безымянных русских мастеров и картинами Гончаровой, Малевича, Клуна и других авангардистов. Это сенсационное для западного искусствоведения открытие казалось Смирнову вполне очевидным:

Когда я смотрю на византийскую икону, то в геометрических складках вижу кубизм, в ритме композиции — Матисса, в вихрящемся огне красок — Кандинского, в серебре и мире овеянного искусства. Византийское искусство было и есть наисовременнейшим искусством, и Мондриан, и Пикассо, и Поллак только искали на грязных задворках современности утерянные разрозненные элементы византизма, чтобы вновь воссоздать величайшую мозаику европейского

искусства. Мясные лавки Рубенса и хаос Делакруа были только долгим заблуждением спящих в животности веков.

Свою родословную Смирнов тоже связывал с Константинополем, приводя в воспоминаниях легенду, по которой его предок был византийским патрицием, бежавшим от турок в Московию. Проверить это невозможно, однако важно другое: проблески эллинистической мудрости, задавленные вековой кромешной жестокостью, — и есть самое ценное, согласно Смирнову, в русской культуре, и ничто не сохранило их лучше икон. Несмотря на свое безоговорочное отторжение происходящего в Советской России, да и на возможность эмиграции после череды успешных чемоданных выставок в Европе, Смирнов принципиально оставался в Москве, которую с равной горячностью любил и ненавидел. Падение режима не принесло ему облегчения: непризнанная гражданская война 1990-х, в которой сгинули сотни тысяч убитых из-за двадцати метров жилплощади или цветастых кроссовок, по его мнению, отдавала тем же железом, что и события начала века. Что до последующих оценок, достаточно будет указать, что именно Смирнов ввел в оборот хлесткое словечко «Эрэфия».

Однако это все потом. В «Доске Дионисия» же еще остается луч надежды на другую жизнь в другой России,ывбравшейся из порочного цикла пресмькательства и беспощадной мести. Произведения Смирнова роднит с прозой Мамлеева чувство страшного прозрения, открывающего глаза на неправильность и потерянность мира, но, в отличие от отца метафизического реализма, отец магического символизма впоследствии не смягчил оценок, а, напротив, разочаровался пуще прежнего. В своих мемуарах Мамлеев так обозначил систему взглядов фон Рауха: «В добро как метафизический принцип Алексей не верил и считал, что

люди просто надевают в своем воображении белый намордник на мироздание».

К этому прозрению может привести и книга, которую вы держите в руках — и вот об этом действительно стоит предупредить. Не каждый человек готов к такому, но, как писал сам Смирнов, «когда нарушена историческая преемственность, как в России, все надо безжалостно вскрыть и удалить омертвевшие ткани и чуждые предметы». В рамках этого утопического проекта и стоит рассматривать «Доску Дионисия».

*Феликс Сандалов,
декабрь 2023*

КЛЕЙМО ПЕРВОЕ
ПРОПАВШЕЕ СУМАГА

Р азбирая в областном архиве дореволюционные епархиальные документы, Анна Петровна долго не могла найти нужную ей папку. Найдя же, она была искренне удивлена. Папка была пуста.

— Куда же они делись? — с этим вопросом Анна Петровна обратилась к группе довольно суетливых архивных дам, занимавших небольшую фанерную комнату, встроенную в хоры барочного храма, со стен которого безмятежно улыбались лучезарно-наглые елизаветинские херувимы. Дамы засуетились, заохали, стали припоминать, но ничего существенного припомнить не могли. Епархиальные бумаги более полувека пылились в полной невинности в самом дальнем углу архива.

— Был, правда, один старичок-краевед, но он умер уже лет двадцать назад, так он занимался этими бумагами. Жил он тут недалеко, под горой. Чудак был, его в городе все знали.

— Постойте, постойте, — вспомнила наиболее пожилая из архивных дам. — Был. Был несколько месяцев назад один молодой человек из московского музея. Он просматривал эти бумаги, — дама назвала один из наиболее известных московских музеев. — Как же, как же! Такой вежливый молодой человек в очках, все заикался от стеснения. Он у нас записан, — дама, посмотрев списки посетителей, назвала фамилию. — Безруков Анатолий Сергеевич. Вот тут и его отношение из музея в наш архив.

Анна Петровна удивилась еще больше, но на всякий случай все записала: и фамилию, и адрес покойного краеведа, и имя-отчество Безрукова, молодого человека в очках, по-видимому, похитителя бумаг. Поняв, что больше ей ничего не добиться, она вышла из холодного собора по гулким чугунным плитам и вмурованным в них надгробиям неведомых и забытых бригадиров и кавалерственных дам.

Во дворе барочной красной с белым церкви, где размещался архив, было тепло, уютно, солнечно. Воробьи ссорились на кованой ограде, и на каменных плитах играли в классики дети.

Под горой извивалась речка; старый губернский город, чернея нахохлившимся деревянным горбом старой чиновничьей шинели, не очень радостно вглядывался в новые кварталы. За Волгой в роще смутно выделялись силуэты монастырских строений. Где-то там была разгадка всего того, что волновало Анну Петровну.

Подгородний Спасский монастырь пережил за свою историю много бурных событий: и набеги татар с пожарами, и литовское нашествие, и многое другое. Известно было, что в начале шестнадцатого века настоятелем его был один из самых просвещенных людей своего времени, книголюб и любитель живописи. При нем в монастыре была мастерская по переписке книг, ткали серебром и золотом воздухи и плащаницы, писали иконы. Тогда же, о чем есть упоминание в летописи, и были написаны великим мастером Дионисием для Спасского монастыря несколько икон. Иконы эти долгие годы сохранялись как святыни, почернели, были записаны, покрыты драгоценными ризами.

Последним настоятелем Спасского монастыря был архимандрит Георгий, в миру богатейший, но разорившийся помещик Шиманский, чьи владения вплотную примыкали к монастырю. От усадьбы Шиманских аллея вела прямо к задним воротам монастыря, куда Шиманские обычно ездили в своем ландо по праздникам. Вообще отношения Шиманских с монастырем были самые теплые, почти родственные.

В восемнадцатом году почти все монахи примкнули к контрреволюционному восстанию и отстреливались до последнего патрона. Колокольную красные войска раз-

рушили артиллерией — там было пулеметное гнездо из трех пулеметов.

Анна Петровна, кандидат искусствоведения, недавно защитила диссертацию о Дионисии. Вообще, ей везло с работами великого русского мастера. Год назад она открыла в фондах одного северного музея его икону. Об этом она написала интересную статью, о которой много говорили в искусствоведческих кругах. Неоднократно она вспоминала о словах летописи, где говорилось о Спасском монастыре и знаменитых в старину иконах Дионисия, написанных для Спасского монастыря, но нигде она не слыхала об его иконах, происходящих оттуда. Один старичок-реставратор, ездивший когда-то по Поволжью с самим Грабарем в первые послереволюционные годы, сокрушенно сказал: «Были мы в Спасском монастыре. Были, искали там. Все подвалы и чердаки облазили — ничего нет. Все куда-то последний настоятель попрятал. Как сквозь землю провалилось».

Анна Петровна уже стала забывать о Спасском монастыре, но не так давно среди московских коллекционеров прошел слухок, что кто-то привез из Спасского монастыря икону шестнадцатого века совершенно исключительных качеств. Кто привез, куда она делась, этого точно никто не знал, но что такая икона промелькнула на московском подпольном иконовом рынке, в этом Анна Петровна не сомневалась. Об этом ей сказал небезызвестный Конауров — коллекционер, знаток, жулик и меняла. Он сам сказал, памятуя прежние с ней разговоры о Спасском монастыре и Дионисии:

— А вы правы, Анна Петровна. Спасский — клад. Оттуда такую икону недавно привезли — пальчики поцелуешь! Антик в мармеладе! Не знаю, Дионисий или нет, но за шестнадцатый век ручаюсь. Видал сам, жулики одни на экспертизу приносили. Уплыл, дорогая, по темной водичке уплыл. Кто приносил, не могу сказать — профессиональная

тайна клиентов. Поезжайте, прекраснейшая, в Спасский. Как говорится: «Ищите и обрящете». У вас на Дионисия «золотая ручка».

Анна Петровна долго думала, вспоминала, узнавала и решила посвятить часть своего очередного отпуска тщательному обследованию Спасского монастыря и всего того, что с ним связано. Помимо интуиции был у нее еще один свой, никому не известный, кроме нее, шанс на успех. Работая в исторической библиотеке, она случайно наткнулась на одну статейку двадцать второго года с интригующим названием: «Где сокровища ризницы Спасского монастыря?» Там один местный краевед писал о расхищении монахами ризницы, о пропавших серебряных сосудах с камнями и иконами в окладах. Причем автор П.И. Гукасов конкретно указывал на лиц, спрятавших сокровища — архимандрит Георгий или же кто-то из его окружения. По предположениям П.И. Гукасова, все ценности так и остались где-то вдалеке от монастыря, спрятанные у какого-то «верного» архимандриту человека.

Приехав в город, Анна Петровна остановилась в небольшой, еще старой губернской гостинице. При входе стояло огромное купеческое, в обитой позолоченной лепной раме, зеркало в два человеческих роста, кругом была мебель пятидесятых годов и пыльные южные растения, которым было скучно и одиноко. В гостинице было много немолодых заготовителей и юных спортсменов. Все оживлялись, когда в ресторан привозили пиво.

Начала Анна Петровна свои изыскания с областного архива. Деловая переписка Спасского монастыря была рассортирована по папкам — каждый настоятель имел свою папку. Тут были бумаги о покупке и продаже пустошей, переписка с архиереями, утверждения проектов перестроек и доделок, списки жертвователей, счета за пуды сельди и семги. Все это

тянулось с восемнадцатого века до времени, когда новый наместник архимандрит Георгий занял место своего предшественника архимандрита Паисия, умершего от старческой невоздержанности к еде и питию. Все бумаги монастыря новейшего времени исчезли. Исчезли недавно.

Выйдя из архива и усевшись на лавочке городского вала, откуда синели поредевшие леса и виделся Спасский монастырь, Анна Петровна, открыв блокнот, стала набрасывать схему известной ей информации. Вот что у нее получилось.

Краевед П.И. Гукасов, его статья об исчезновении ризницы и архимандрите Георгии Шиманском. Тут был один источник информации, к нему прибавился адрес покойного П.И. Гукасова.

Коллекционер Конауров, московский подпольный иконный рынок, какие-то темные личности, привезшие отсюда, из этого города, икону шестнадцатого века. С этими темными личностями связывалось похищение из архива монастырских бумаг «архивным» юношей в очках с уголовными наклонностями — Анатолием Сергеевичем Безруковым.

Что делать? Чем интересоваться дальше? В первую очередь архимандритом Георгием Шиманским и его окружением. Ведь с двадцатых годов этим никто не интересовался. Тогда это была жизнь, полная борьбы и тайн, сейчас — прошлое, мертвенное, доживающее, часто даже глубоко спрятанное, почти враждебное. Сейчас носители этого прошлого, последние люди прежней России, чувствуя близость конца, часто сами устремлялись навстречу и старались хоть куда-нибудь пристроить дорогие им культурные и религиозные ценности. Это Анна Петровна прекрасно знала по долгой музейной работе.

«Итак, сейчас — архимандрит Георгий Шиманский, а кража архивных документов Безруковым и вывоз иконы — это на после, на Москву».

Имение Шиманских было сильно разрушено, исчезли беседки, конюшни, каретные сараи. Парк одичал, зарос. Уцелели главный дом и одна сторона полукруглых галерей, окружавших двор с флигелем. В главном доме прогнили полы, прохудилась крыша и жилыми осталось несколько комнат. Во флигеле жило несколько семей и человек десять одиноких стариков и старух — остатки помещавшегося здесь после войны дома инвалидов. Инвалиды переехали сюда из монастырских келий, выгоревших от немецких зажигалок.

Анна Петровна с интересом и тревожным любопытством взглядывалась в остатки некогда известной усадьбы. На ее расспросы о прежних владельцах старики и инвалиды отвечали бестолково.

— Господа эти здесь жили, властвовали. Их мы не помним. Хозяина за контру расстреляли. Мы нездешние. Из дома в монастырь подземный ход выкопан. Вы лучше в село сходите. Там господ помнят.

Анна Петровна перешла через плотину сильно заросшего и заиленного пруда в те пятнадцать дворов, что остались от села. Близость города сманила остальных жителей. Про подземные ходы Анна Петровна слышала почти во всех старых монастырях и усадьбах, к этому она уже привыкла, без этих рассказов не обходилось ни одно расследование.

В первом же доме старуха-хозяйка встретила ее недоверчиво и опасливо, спросила даже паспорт и, прикладывая к носу очки, читала долго, жуя губами и громко дыша измененными бронхами.

— Много тут вас ходит. Вот придете так, поинтересоваться, а потом по голове молотком стукнете.

Из ее рассказов Анна Петровна узнала, что этой весной неизвестные ворвались к старой крестьянке из села Петровиригиной, оглушили ее по голове и обокрали. Украла иконы. Известие это очень и очень не порадовало Анну Петровну.